

УДК 821.133.1
ББК 83.3(4Фра)5

«НАРОДНАЯ СМЕХОВАЯ КУЛЬТУРА» У РАБЛЕ КАК ПРИЕМ АРХАИЗАЦИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ

© 2018 г. И.К. Стаф

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 03 сентября 2017 г.

Дата публикации: 25 июня 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-10-25

Аннотация: Рецепция книги М.М. Бахтина о Рабле во Франции исключает из рассмотрения фигуру автора «Гаргантюа и Пантагрюэля». Однако, анализируя текст Рабле как отражение народной культуры, без учета авторского слова, выстраивающего и преобразующего культурные, жанровые, языковые коды романа, мы подвергаем его значительным искажениям. В статье показано, что роман, особенно две его первые книги, тесно связан с актуальными для эпохи дискуссиями о статусе и значении народного языка, которые породили во Франции первой половины XVI в. целый ряд произведений отнюдь не смехового характера (Жан Лемер де Бельж, Жоффруа Тори и др.). Комизм Рабле вырастает из идей гуманизма в его французском национальном изводе. Знаменитые прологи Алькофрибаса Назье представляют собой сугубо авторскую, далекую от «стихий» карнавала игру с канонами и приемами средневековой словесности, пародию на средневековое понимание слова и книги. При этом поэтические каноны позднего Средневековья последовательно маркируются автором как архаичные. Подобное сочетание архаики с установкой на создание ярмарочной книги, нашедшей отражение также и в типографском оформлении первых частей романа, позволяет переосмыслить сам термин «народная культура» в свете предложенного Р. Шартье понятия апроприации. При таком подходе «Гаргантюа и Пантагрюэль» может быть осмыслен как виртуозная литературная игра, отвергающая не только «официальную», но всю средневековую культуру с ее поэтическими нормами, ценностями и правилами во имя формирующихся идеалов национального гуманизма.

Ключевые слова: народная смеховая культура, Рабле, Бахтин, архаизация, апроприация, ренессансный гуманизм, национальный язык.

Информация об авторе: Ирина Карловна Стаф — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: irina.staf@gmail.com

Для цитирования: Стаф И.К. «Народная смеховая культура» у Рабле как прием архаизации повествования // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 2. С. 10–25.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-10-25

RABELAIS' "CULTURE OF FOLK HUMOR" AS A TECHNIQUE OF ARCHAICIZED NARRATION

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018. I.K. Staf

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: September 03, 2017

Date of publication: June 25, 2018

Abstract: The French reception of Bakhtin's book on Rabelais excludes the author of *Gargantua and Pantagruel*. However, by analyzing Rabelais's text as a reflection of national culture and ignoring the author's role in the development and transformation of the novel's cultural, generic, and linguistics codes, we inevitably distort the text of the novel. This article argues that novel (especially its first two books) is closely connected to the discussions about the status and meaning of vernacular language that were relevant for the time and that generated a wide range of non-humorous works in France of the first half of the 16th century (by Jean Lemaire de Belges, Geoffroy Tory, etc.). The comic in Rabelais's originates from French variant of humanist ideas. Famous prologs by Alcofribas Nasier represent a merely authorial play with canons and methods of the medieval literature and a parody of the medieval understanding of words and books that had little to do with the spirit of popular carnival. At the same time, the author consistently marks poetic canons of the late Middle Ages as archaic. Such combination of archaism with the intention to write a popular book can be traced in the typographical features of the first parts of the novel that allows us to rethink the term "national culture" in the light of Roger Chartier's concept of appropriation. This reading demonstrates that *Gargantua and Pantagruel* is a masterly literary play that rejects not only "official" culture but also the entire Medieval culture with its poetic norms, values and rules for the sake of the incipient ideals of national humanism.

Keywords: culture of folk humor, Rabelais, Bakhtin, archaization, appropriation, Renaissance humanism, vernacular language.

Information about the author: Irina K. Staf, PhD in Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: irina.staf@gmail.com

For citation: Staf I.K. Rabelais' "culture of folk humor" as a Technique of Archaicized Narration. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 2, pp. 10–25. (In Russ.)

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-10-25

Книга М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» до сих пор определяет представление о шинонском враче как в российской науке — от (немногочисленных) научных статей до учебных курсов и предисловий, — так и в читательском сознании. Фигура ни на кого не похожего титана Рабле, «величайшего выразителя... тысячелетий развития народной смеховой культуры», тесно связанного «с ярмарочной и карнавальной площадью позднего средневековья и Возрождения», как пишет Бахтин [2, с. 5, 158], высится над французским XVI в., подобно его великанам-королям, а понятия «народная смеховая культура», «карнавализация» и «мениппея» превратились в своеобразные смысловые отмычки, позволяющие описывать самые разные культурные и литературные феномены, зачастую без учета их реального исторического контекста.

Не останавливаясь подробно на критических оценках работы М.М. Бахтина, высказанных сразу после ее публикации в 1965 г.¹, напомним

1 В частности, А.Я. Гуревичем, указывавшим на то, что «официальная» и «народная смеховая» культуры Средневековья отнюдь не противостояли друг другу, поскольку и сам карнавал был частью культуры «официальной». По мнению Гуревича, «попытка воссоздания латентных культурных моделей отвлечена от конкретной социальной реальности, равно как и от других сторон культурной жизни эпохи, которые противоречили теории народной карнавальной стихии» [4, с. 95]. Ср. замечание Ива Бено в его рецензии на книгу Бахтина: «... Этот мир *комической* народной культуры, из которого Бахтин выводит всего или почти всего Рабле, настолько “амбивалентен”, что в нем отсутствует четкая граница между трагедией и смехом. К тому же — еще одна “амбивалентность”, — можно ли по праву назвать эту дораблезианскую культуру народной, или же она представляет собой эманацию всего общества на предшествующей стадии организации?» [12, р. 117–118]. Против «пейоративного» смысла, которым наделяет Бахтин понятие «официальной культуры», выступает и Дэвид Хейман [16].

лишь хлесткое, но справедливое по сути замечание Л.М. Баткина: «Роман замечательно понят заново, но из него выпал *образ автора*. Будто средневековая смеховая стихия движется сама по себе. Как раз Рабле в “Рабле” забыт. Затерялся в сутолоке карнавала» [1, с. 404].

Безусловно, ответом на этот упрек могут служить слова самого Бахтина, который в ходе защиты диссертации (в 1946 г.) неоднократно повторял, что анализ творчества Рабле не был для него самоцелью: «Я решил сделать его предметом моего специального исследования, но он все же не стал моим героем. Он был для меня лишь наиболее ясным и понятным выразителем этого мира. Так что героем моей монографии является не Рабле, а эти народные, празднично-гротескные формы, но традиции, показанные, освещенные для нас в творчестве Рабле» [3, с. 328]; «От римской сатурналии до средневековой площади и площади Возрождения и Рабле тянется единая традиция особой формы неготового, незавершенного бытия. Эта традиция реализуется прежде всего в громадной, грандиозной средневековой, анонимной, полународной и народной традиции, так называемой народно-праздничной традиции, которая современному человеку известна только в форме карнавала» [3, с. 327]. Иными словами, смеховая традиция у Бахтина действительно «движется сама по себе», а «Гаргантюа и Пантагрюэль» служит лишь репрезентативным материалом, позволяющим выявить ее компоненты, особенности и экспрессивные средства.

Однако подобный подход к *литературному* произведению требует существенной корректировки. Смысл ее раскрывается, помимо прочего, на примере рецепции книги Бахтина во Франции². Как известно, она (наряду с «Проблемами поэтики Достоевского») была воспринята в русле традиции русской формальной школы, а ее автор — как предтеча структурализма и семиологии. Как пишет, вторя идеям Ю. Кристевой, Ж.-Н. Вуарне, Бахтин — формалист, поскольку «анализирует текст как форму, как означающую систему, рассмотренную независимо от локальных эффектов смысла и идеологии» [23]³. С другой стороны, в одной из редких ранних рецензий, где значение работ Бахтина не сводится к общим заслугам формализма — она принадлежит канадскому литературоведу, историку и тео-

² Французский перевод «Творчества Франсуа Рабле...» вышел в 1970 г.

³ Краткий обзор первых французских откликов на «Рабле» и «Достоевского» Бахтина см.: [5].

ретику романа Андре Белло [11], — русский ученый назван первооткрывателем нового литературного феномена: «множественности» («le multiple»; Белло создает своего рода социальный аналог бахтинского термина «полифонизм»), т. е. действующего в литературе народа, и в этом сближается с Э. Ауэрбахом.

Что общего между двумя этими трактовками? И концепция Бахтина-формалиста, и гораздо более точная идея о Бахтине — исследователе карнавала как наиболее полного воплощения «народного» мировидения, исключают из анализа историческую фигуру автора «Гаргантюа и Пантагрюэля». Мир романа Рабле оказывается самовоплотившимся народным городским духом в его трех основных ипостасях, выделенных Бахтиным: обрядово-зрелищных формах, смеховых произведениях и фамиллярно-площадной речи. В методологическом плане такое понимание романа фактически смыкается с основным принципом позитивистского подхода к литературе в формулировке И. Тэна: «В этом и состоит значение произведений литературы: <...> они тем полезнее, чем выше их совершенство; они значимы как документы, поскольку являются дошедшими до нас памятниками» («si elles fournissent des documents, c'est qu'elles sont des monuments») [8, с. 94]. Однако излишне напоминать, что, рассматривая текст Рабле как «зеркало» народной культуры, без учета мощного *авторского слова*, организующего и трансформирующего многочисленные культурные, жанровые, языковые коды, из которых складывается этот текст, мы тем самым подвергаем существенным искажениям сам «документ», каким может (в определенной мере) служить «монумент» великого романа⁴.

«Рабле, издавший сначала три ученых публикации, стал затем поставщиком <...> массовой литературы и потому вступил в более интим-

4 Ср. справедливое замечание Г.К. Косикова: «Ясно и то, что Рабле был не “корифеем народного хора”, а ученым-гуманистом, ренессансным интеллектуалом, который отнюдь не слил свой голос с “площадным смехом”, но подверг его искусной обработке, виртуозно его **стилизировал** и поставил на службу таким целям, которые решительно расходятся как с целями бахтинского, так и с целями собственно исторического карнавала» [6, с. 19], а также В. Шкловского, у которого, впрочем, автор «Гаргантюа и Пантагрюэля» неожиданно оказывается множественным: «Вообще, если говорить о книге Рабле как о книге карнавализированной, то надо упомянуть о том, что участники данного карнавала чрезвычайно образованные люди и в качестве читателей предполагают иронических эрудитов» [10, с. 415].

ные отношения с ярмарочной площадью. Ему пришлось уже учитывать не одни сроки <лионской> ярмарки, но и ее требования, вкусы и тон», — пишет Бахтин [2, с. 170]. Между тем фигура автора-гуманиста, неожиданно оторвавшегося от своих ученых штудий и подарившего национальной словесности один из самых значимых для нее (смеховых) текстов, отнюдь не уникальна и заслуживает, на наш взгляд, более пристального и глубокого анализа: достаточно вспомнить, например, Боккаччо с его «Декамероном», Эразма с «Похвалой Глупости», Поджо и Лоренцо Валлу с их «Фацециями». Французский гуманист XV в. Гильом Тардиф, сделавшись королевским чтецом Карла VIII, немедленно отказывается от *latinitas* и переводит для государя, в частности, фацеции Поджо (пользовавшиеся репутацией «непристойных»), причем преподносит их как бесспорные риторические образцы, не уступающие текстам древних [7]. Определяющим для понимания романа Рабле является тот культурный контекст, который был связан с остро актуальными для эпохи дискуссиями о статусе и значении *народного языка*, которые, прежде чем воплотиться в знаменитую «Защиту и прославление...» Дю Белле, породили в первой половине XVI в. целую литературу, разумеется, отнюдь не «народно-смехового» характера. «Площадной комизм» Рабле неотделим от идей «национального» французского гуманизма. С этим связан еще один принципиальный момент: книги «Гаргантюа и Пантагрюэля» содержат огромный пласт скрытых и явных цитат, причем опять-таки не «народного», а гуманистического (в национальном изводе) характера.

Каждая из четырех первых книг романа в самом общем виде ориентирована на канон определенного жанра, законы восприятия которого сформулированы в знаменитых авторских прологах. В «Пантагрюэле», обращаясь к читателю, мэтр Алькофрибас называет своим источником и образцом «Великие и неоценимые хроники о великом и огромном великане Гаргантюа». Первая (хронологически) книга выстроена по правилам хроники: в соответствии со средневековой традицией, Алькофрибас включает в нее обширную генеалогию Пантагрюэля, с описанием чудес, предшествующих его рождению, специально оговаривает собственную роль придворного хрониста и, наконец, истово клянется, что его творение отвечает главному принципу хроникальной поэтики — *достоверности* («Готов прозаложить всем чертям на свете тело свое и душу, всего себя со всеми потро-

хами, если на протяжении этой истории хоть раз прилгну»⁵), призывая на головы читателей всевозможные напасти, если им вздумается усомниться в правдивости его рассказа, т. е. нарушить законы восприятия жанра⁶.

В «Гаргантюа» поэтика традиционной хроники претерпевает весьма значимые трансформации. Алькофрибас в прологе настаивает уже не на правдивости своей истории, но на том, что она имеет, помимо буквального, глубокий аллегорический смысл. Силены, Сократ, откупоренная бутылка, мозговая кость — все это изобилие метафор предостерегает читателя от «скороспелого вывода», что книга содержит одни «нелепости, дурачества и разные уморительные небывальщины». Под их оболочкой скрывается ценнейшая «мозговая субстанция». Несколько упрощая, можно сказать, что вторая книга романа подпадает под действие законов «поэзии» (*poetrie*), науки о поэтическом вымысле, которую, вслед за «Генеалогией языческих богов» Боккаччо, с начала XV в. активно разрабатывали на французской почве как гуманисты — трактат «Красноречивейшая Мудрость» («*Archiloge Sophie*», ок. 1400) гуманиста и богослова, наставника Карла VI Жака Леграна, — так и поэты школы «великих риториков». Призывая читателей следовать примеру собаки, «самого философского животного в мире», и наслаждаться высоким смыслом, заложенным в его творении, Рабле определяет его уже не как хронику, но как вымысел, т. е. поэтическую «басню» (*fable*).

Однако обе эти риторические системы — как хроникальная, так и относящаяся к «поэзии» — обладали одной безусловно общей чертой. Акту-

5 Здесь и далее роман Рабле цитируется в переводе Н.М. Любимова.

6 Собственно, «Пантагрюэль» в восприятии читателей XVI в. — не только хроника, но и рыцарский роман: так, автор трактата «Теотим» (1548), доктор богословия Габриель де Пюи-Эрбо (в лат. варианте Путербий; тот самый «бесноватый путербей», которого, среди прочих творений Антифизис, уничтожил Рабле в IV Книге) ставит его в один ряд с «Ланселотом» и «Ожье Датчанином», а протестант Пьер Дюваль в стихотворном трактате «Триумф правды» (*Le Triomphe de la vérité: où sont monstrez infinis maux, commis souz la tyrannie de l'Antechrist filz de perdition, tiré d'un auteur nommé Mapheus Vegeus & mis en vers par Pierre du Val humble membre de l'Eglise de Jesus Christ. S.l. s.d. 1552*) в перечне «пустых и ничемных» книг, выпущенных французскими печатниками, упоминает «Амадиса Галльского», «Ожье Датчанина», «Рено де Монтобана», а также «Пантагрюэля». Дело в том, что уже с XIV в. хроникальный и романский нарративы строились по одним и тем же законам, основанным на понятии правдивости. К началу XVI столетия хроника и рыцарский роман утратили свои позиции в культуре и перешли в сферу «низовой литературы», а риторика исторической достоверности переместилась в различные «ярмарочные» жанры, в рассказы о невероятных приключениях либо волшебников и великанов, либо плутов типа Тилия Уленшпигеля — которые, впрочем, в народной среде нередко воспринимались всерьез.

альные для эпохи «осени Средневековья», они к 30-м гг. XVI в. оказались *устаревшими*. Алькофрибасовы прологи — это игра (сугубо авторская, не имеющая ничего общего со «стихией» карнавала) с канонами и приемами средневековой словесности. Поминая скрытые в его книге «величайшие таинства и страшные тайны, касающиеся нашей религии, равно как политики и домоводства», Рабле обозначает один из прошлых принципов восприятия литературы, немедленно оставляя его на долю «дураков» и «межеумков». Его пародия направлена на средневековое понимание словесности и книги. Не случайно именно в этой книге описано Телемское аббатство — принципиально новая культурная модель, которая во многом воспроизводит топикку «веселой компании» (*lieta brigata*), восходящую к «Декамерону», и некоторые черты идеального придворного, зафиксированные в знаменитом одноименном трактате Кастильоне (1527)⁷.

Однако главный объект игры в «Гаргантюа и Пантагрюэле» — французский язык, его законы и культурная стратификация, вокруг которых в первой половине XVI в. велись жаркие споры. В противовес понятию *latinitas*, которое разрабатывали столпы итальянского гуманизма, от Петрарки до Лоренцо Валлы, гуманистическое знание во Франции с самого момента возникновения было связано с понятием нации и ее «естественного» языка, не уступающего своими достоинствами как латыни, так и тосканскому наречию. В начале XVI в. мысль о культурном паритете французов и итальянцев (а возможно, и о превосходстве Франции над наследницей Древнего Рима) получила весомое обоснование в трех томах «Прославленной Галлии и примечательностей Трои», созданных поэтом и историографом Жаном Лемером де Бельж. Возродив средневековую легенду о происхождении французов от Франка (Франсиона), сына Гектора⁸, и придав ей форму «поэтической истории»⁹, Лемер обеспечил французов всеохватным

7 Напомним, что первый французский перевод «Придворного» Кастильоне (1537) был выполнен гуманистом Жаком Коленом, близким к кардиналу Жану Дю Белле, покровителю Рабле.

8 Краткую историю происхождения и бытования этой легенды в период раннего Средневековья см., в частности: [13]. Легенда сохраняла актуальность еще для Ронсара («Франсиада», 1572), хотя уже в середине века Этьен Пакье в своих «Разысканиях о Франции» скептически отзывался о подобных «красивых и легкомысленных баснях» [19, р. 48].

9 Т. е. исторического повествования, подчиненного не законам классической риторики, а законам *poetrie*. Лемер противопоставляет свое творение «несовершенным и полным ошибок писаниям» и «испорченным историям», в которых неверно представлены судьбы

национальным мифом, уходящим корнями в глубокую древность. В прологе к другому своему любопытному сочинению, «Трактат о согласии двух языков» (ок. 1510; первая его часть написана терцинами, «флорентийским» размером, вторая — александрийским стихом, размером французским), Лемер перечисляет «поэтов и ораторов», чьи славные творения по праву соперничают с произведениями великих итальянских авторов — Данте, Петрарки, Боккаччо, Филельфо, Серафино и др.

Но поворотным моментом в дискуссии о статусе народного языка стал трактат гуманиста и печатника Жоффруа Тори «Цветущий луг, в коем заключено Искусство и Наука должной и истинной пропорции Букв Антических, иначе именуемых Античными, а на народном языке Буквами Римскими, в соразмерении с Телом и Лицом человеческим» (1529) [22]. Трактат, по замыслу автора, призван был положить начало обширной программе по «очистке» французского наречия и его возведению в ранг главного языка культуры¹⁰. В первой его книге изложена история рождения письма с опорой на античную мифологию, которая усилиями Лемера приобрела характер истинного повествования о прошлом французов. Следует подчеркнуть, что первые письма у Тори принадлежат одновременно и природе, и культуре: буквы восходят к отпечатку копыта Ио, дочери речного бога Инаха, превращенной Зевсом в белоснежную корову; они в буквальном смысле запечатлены на земле — иными словами, естественны и осены ореолом мифа-истории. Именно поэтому всякое модное искажение французского языка, подгонка его под чуждые нормы Тори решительно отменяется. И весьма примечательно, что в главе VI «Пантагрюэля» Рабле вкладывает в уста лимузенского школяра — которому Пантагрюэль, схватив его за горло, говорит «вот сейчас ты заговорил по-настоящему («naturellement», т. е.

Трои. Главный недостаток этих дурных сочинений в том, что в них история троянцев и их потомков оказывается легковесной и полной вымыслов, тогда как на деле она «правдива, и плодородна, и изобильна великими таинствами и поэтическими и философскими представлениями, каковые под оболочкой искусно выдуманных басен таят благодатное содержимое» [18, р. 4].

¹⁰ «Все вещи имели свое начало <...> Когда один из нас изложит науку Литер, а другой — Вокабул, явится третий и опишет Речения (Sentences), а потом придет еще один и даст правила прекрасной Речи. И так незаметно пройдем мы мало-помалу весь путь и в конце его прибудем на обширные Поэтические и Риторические Луга, полные красивых, добрых и благоухающих цветов достойных и незатрудненных речений и высказываний обо всем, что угодно нам будет сказать («Читателям сей Книги смиренный Привет») [22].

«естественно», «сообразно с природой») — вложена почти дословная цитата из «Цветущего луга». Тори придумал этот образчик «неестественного» французского наречия, высмеивая тех, кого он называл «грабителями» (или «обдирателями», как именует школяра Пантагрюэля) латыни: людей, калечащих национальный язык. Среди прочих любителей говорить причудливым образом он выделяет также «изобретателей новых слов» (*forgeurs de mots nouveaux*), «каковые после выпивки говорят, что голова у них совсем замудрявая и переконфуженная и полна всякой куролесины и обалдистики, всякой мусорени и рассупотины...» [22, f. VIII г.]. Сходство с языком Рабле (включая мотив выпивки) настолько разительно, что некоторые историки даже полагали, что шинонский врач почерпнул общий принцип своей стилистики из трактата Тори¹¹.

Но смысл отсылки у Рабле, на наш взгляд, сложнее. Неологизмы, традиционно считающиеся «раблезианскими», по большей части изобретены поэтами школы «великих риториков» — в частности, Жаном Молине и Леммером де Бельж. С некоторыми из них (например, с Жаном Буше) Рабле находился в дружеских отношениях¹². Именно для творчества «риториков» была в высшей степени характерна та идея аллегорического смысла поэзии, на которой строится пролог к «Гаргантюа». Рабле ясно обозначает традицию, в рамках которой следует читать его творение. Но эта традиция, определяющая для французской словесности начала века, в 1530-х гг. уже сменяется новыми поэтическими установками, которые получают законченное воплощение полтора десятилетия спустя, в творчестве «Плеяды». Неологизмы у Рабле служат своего рода знаком уходящей эпохи, *архаизирующим* стилистическим приемом.

Во многом поэтому Рабле в дальнейшем объединял «Гаргантюа и Пантагрюэля» — в противовес Третьей и Четвертой Книгам. Более того, он самым внимательным образом следил, чтобы две первые части романа имели одинаковый внешний вид. После смерти издателя «Пантагрюэля» Клода Нурри в 1533 г. он сотрудничал с лионским печатником Франсуа Жюстом,

11 Среди работ последнего времени см.: [20; 14, p. 104 sq.]. Напомним, что когда юный Гаргантюа перешел в учение к Понократу, он «...часа на три, если не больше, садился за главные свои занятия, то есть повторял утренний урок чтения, читал дальше и учился *красиво и правильно писать буквы античные и новые римские*» (выделено нами. — И.С.).

12 Более того, ряд исследователей склонны (на наш взгляд, безосновательно) относить к числу «риториков» самого Рабле: [17; 21; 15].

одним из крупных издателей литературы на народном языке, близким к протестантским кругам, другом Маро и Мориса Сэва. Все издания «Пантагрюэля» (1533, 1534, 1537 и 1542) и «Гаргантюа» (1534, 1535, 1537 и 1542), подготовленные самим Рабле, сошли именно с его печатного станка. И все они имели две внешние особенности — формат ин-октаво и готический шрифт, использовавшийся к тому времени (во многом вследствие графической и орфографической реформы, осуществленной Жоффруа Тори) преимущественно для печатания «народных» книг.

Когда в 1542 г. гуманист Этьен Доле выпустил без ведома автора две первых книги романа, Рабле отреагировал весьма резко. Сам по себе факт пиратства в эпоху, когда система привилегий на печатание книг была крайне запутанной и несовершенной, вряд ли мог побудить создателя «Гаргантюа и Пантагрюэля» назвать бывшего друга в одном из писем плагиатором и «человеком, склонным ко всяческому злу». На наш взгляд, гнев Рабле был вызван в первую очередь тем, что Доле отпечатал его произведение не готикой, а антиквой, радикальным образом изменив место книги в культурной иерархии и исказив тем самым замысел автора. К концу того же 1542 г. Рабле выпускает у преемника Жюста Пьера де Тура свое издание обеих книг — ин-октаво и готическим шрифтом.

Таким образом, первые две книги романа шинонского врача отличаются сознательной пародийной ориентацией на поэтические каноны позднего Средневековья, которые последовательно маркируются автором как *архаичные*. Это сочетание архаики с «народной», ярмарочной книгой заставляет заново переосмыслить как само понятие «народная культура», так и роль, которую отводил «смеховой культуре» М.М. Бахтин, писавший: «Средневековый смех на ренессансной ступени своего развития стал выражением нового свободного и критического исторического сознания эпохи. <...> Народно-площадное смеющееся лицо <праздника> глядело в *будущее* и смеялось на похоронах прошлого и настоящего» [2, с. 82, 91] (выделено нами. — И.С.). По нашему мнению, одна из наиболее плодотворных попыток такого переосмысления предложена в работах крупного французского историка Роже Шартье, предложившего не только не разделять единую культуру определенного исторического периода на «официальную и народную», «высокую и низкую» и т. п., но рассматривать феномен народ-

ной книги и аналогичные ему факты «массовой» культурной продукции как один из способов *апроприации*, присвоения низовыми социальными слоями явлений, занимавших в прошлые эпохи вершины литературной и культурной иерархии. «Попытки определить, что такое народная культура, исходя из якобы специфического распределения некоторых культурных объектов или моделей, обречены на неудачу. Действительно, не меньшую роль, нежели распределение — которое всегда сложнее, чем кажется на первый взгляд, — играет апроприация этих объектов различными группами или индивидами. <...> “Народность” — это не свойство известного множества объектов, которые нужно лишь выделить, перечислить и описать. Это прежде всего некое отношение, способ обращения с объектами или нормами, которые циркулируют во всем обществе, но воспринимаются, понимаются, используются по-разному. В свете этого вывода работа историка неизбежно получает новое направление: от него требуется дать характеристику не совокупности культурных элементов, которые считаются “народными” сами по себе, но различным модальностям их апроприации» [9, с. 198]. В свете этой концепции «Гаргантюа и Пантагрюэль» может быть понят как изощренная литературная игра, своего рода апроприация в квадрате, отвергающая не только «официальную», но всю средневековую культуру целиком, ее поэтические нормы, ценности и правила, во имя складывающихся идеалов национального гуманизма.

Список литературы

- 1 *Баткин Л.М.* Смех Панурга и философия культуры // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли / сост. К.Г. Исупов. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. Т. I. С. 398–412.
- 2 *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965. 544 с.
- 3 М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. I / сост. К.Г. Исупов. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. 549 с.
- 4 *Гуревич А.Я.* Историческая наука и научное мифотворчество (Критические заметки) // Исторические записки. М., 1995. Вып. 1 (119). С. 74–98.
- 5 *Долгорукова Н.М.* Бахтин в тени формализма: первые французские рецензии // Философия. Язык. Культура. Вып. 4. СПб.: Алетейя, 2013. С. 246–255.
- 6 *Косиков Г.К.* От «внеаходимости» к «бунту» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1997. № 1(18). С. 8–20.
- 7 *Стаф И.К.* Морализированный перевод и национальная традиция в литературе раннего французского Возрождения: пример Гильома Тардифа // Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 174–239.
- 8 *Тэн И.-А.* История английской литературы. Введение // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Тракаты, статьи, эссе / сост., общая редакция Г.К. Косикова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1987. С. 72–94.
- 9 *Шартье Р.* «Народное» чтение // Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое изд-во, 2006. С. 191–210.
- 10 *Шкловский В.* Тетива. О несходстве сходного. Франсуа Рабле и книга о Рабле // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. I / сост. К.Г. Исупов. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 2001. С. 413–447.
- 11 *Belleau A.* Bakhtine et le multiple // Etudes françaises. 1970. № 4. P. 481–486.
- 12 *Benot Y.* Le «Rabelais» de Bakhtine ou l'éloge du rire // La Pensée. 1972. Mars-apr. № 162. P. 113–125.
- 13 *Bouet P.* De l'origine troyenne des Normands // Cahier des Annales de Normandie. 1996. Vol. 26. № 26. P. 401–413.
- 14 *Bruce Hayes E.* Rabelais's Radical Farce: Late Medieval Comic Theater and Its Function in Rabelais. Farnham (Surrey): Ashgate Publishing Ltd., 2010. VIII, 188 p.
- 15 *Cornulier B. de.* Rabelais grand rhétoriqueur: L'enchaînement dans l'*Inscription mise sus la grande porte de Thélème* (1534) // Etudes rabelaisiennes. Genève: Droz, 2000. T. XXXIX. P. 111–124.
- 16 *Hayman D.* Au-delà de Bakhtine. Pour une mécanique des modes // Poétique. 1973. № 13. P. 76–94.

- 17 *Lebègue R.* Rabelais et les grands rhétoriciens // *Les Lettres romanes.* 1958. № 12. P. 5–18.
- 18 *Lemaire de Belges J.* Œuvres / publ. par J. Stecher. Genève, 1969. T. I. 362 p.
- 19 *Pasquier E.* Œuvres. Amsterdam, 1723 [réimpr.: Genève, 1971]. Vol. I. 1364 p.
- 20 *Pfister M.* Parodie der französischen Gelehrtensprache bei Geoffroy Tory und François Rabelais // *Renatae litterae. Studien zum Nachleben der Antike und zur europäischen Renaissance* (Festschrift August Buck). Francfort a/M: Athenaeum, 1973. S. 193–205.
- 21 *Rigolot F.* Rabelais, rhétoriqueur? // *Cahiers de l'Association internationale des études françaises.* 1978. Vol. 30. № 1. P. 87–103.
- 22 *Tory G.* Champ Fleury, ou l'Art et science de la proportion des lettres. Genève: Slatkine Reprints, 1973. XX, [8]-LXXX f., 63 p.
- 23 *Vuarnet J.-N.* Les surfaces du texte // *Les Lettres françaises.* 1970. № 1354. 7–13 oct. P. 12.

References

- 1 Batkin L.M. Smekh Panurga i filosofii kul'tury [The Laughter of Panurge and the Philosophy of Culture]. *M.M. Bakhtin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo M.M. Bakhtina v otsenke russkoi i mirovoi gumanitarnoi mysli* [M.M. Bakhtin: pro et contra. Personality and works of M.M. Bakhtin in the estimation of Russian and world humanities], ed. K.G. Isupov. St. Petersburg, Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo institute Publ., 2001, vol. I, pp. 398–412. (In Russ.)
- 2 Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa* [Rabelais and his World]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1965. 544 p. (In Russ.)
- 3 *M.M. Bakhtin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo M.M. Bakhtina v otsenke russkoi i mirovoi gumanitarnoi mysli* [M.M. Bakhtin: pro et contra. Personality and works of M.M. Bakhtin in the estimation of Russian and world humanities], comp. K.G. Isupov. St. Petersburg, Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 2001. Vol. I. 549 p. (In Russ.)
- 4 Gurevich A.Ia. Istoricheskaia nauka i nauchnoe mifotvorchestvo (Kriticheskie zametki) [Historical Science and Scientific Myth-Making (Critical remarks)]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], Moscow, 1995, issue 1 (119), pp. 74–98. (In Russ.)
- 5 Dolgorukova N.M. Bakhtin v teni formalizma: pervye frantsuzskie retsenzii [Bakhtin in France: A critical look at the first French reviews]. *Filosofia. Iazyk. Kul'tura* [Philosophy. Language. Culture.]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2013, issue 4, pp. 246–255. (In Russ.)
- 6 Kosikov G.K. Ot «vnenakhodimosti» k «buntu» [From the “non-findability” to the “revolt”]. *Dialog. Karnaval. Khronotop* [Dialogue. Carnival. Chronotope]. Vitebsk, 1997, no 1(18), pp. 8–20. (In Russ.)
- 7 Staf I. K. Moralizirovannyi perevod i natsional'naia traditsiia v literature rannego frantsuzskogo Vozrozhdeniia: primer Gil'oma Tardifa [The moralized translation and

- the vernacular tradition in the Early French literature: The case of Guillaume Tardif]. *Perevod i podrazhanie v literaturakh Srednikh vekov i Vozrozhdeniia* [Translation and imitation in the Medieval and Renaissance's literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2002, pp. 174–239. (In Russ.)
- 8 Taine H.-A. Istoriiia angliiskoi literatury. Vvedenie [History of English Literature. Introduction]. *Zarubezhnaia estetika i teoriia literatury XIX–XX vv. Traktaty, stat'i, esse* [Foreign aesthetics and literary theory of the 19th–20th centuries. Tractates, articles, essays], ed. G.K. Kosikov. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta Publ., 1987, pp. 72–94. (In Russ.)
- 9 Chartier R. «Narodnoe» chtenie [“Folk” lectures]. *Chartier R. Pis'mennaia kul'tura i obshchestvo* [Written Culture and Society]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, pp. 191–210. (In Russ.)
- 10 Shklovskii V. Tetiva. O neskhodstve skhodnogo. Fransua Rable i kniga o Rable [Bowstring: On the dissimilarity of the similar. François Rabelais and the book about Rabelais]. *M.M. Bakhtin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo M.M. Bakhtina v otsenke russkoi i mirovoi gumanitarnoi mysli* [M.M. Bakhtin: pro et contra. Personality and works of M.M. Bakhtin in the estimation of Russian and world humanities], ed. K.G. Isupov. St. Petersburg, Izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 2001, vol. I, pp. 413–447. (In Russ.)
- 11 Belleau A. Bakhtine et le multiple. *Etudes françaises*, 1970, no 4, pp. 481–486. (In French)
- 12 Benot Y. Le «Rabelais» de Bakhtine ou l'éloge du rire. *La Pensée*, 1972, mars-apr., no 162, pp. 113–125. (In French)
- 13 Bouet P. De l'origine troyenne des Normands. *Cahier des Annales de Normandie*, 1996, vol. 26, no 26, pp. 401–413. (In French)
- 14 Bruce Hayes E. *Rabelais's Radical Farce: Late Medieval Comic Theater and Its Function in Rabelais*. Farnham (Surrey), Ashgate Publishing Ltd., 2010. VIII, 188 p. (In English)
- 15 Cornulier B. de. Rabelais grand rhétoricien: L'enchaînement dans l'Inscription mise sus la grande porte de Thélème (1534). *Etudes rabelaisiennes*, t. XXXIX, Genève, Droz, 2000, pp. 111–124. (In French)
- 16 Hayman D. Au-delà de Bakhtine. Pour une mécanique des modes. *Poétique*, 1973, no 13, pp. 76–94. (In French)
- 17 Lebègue R. Rabelais et les grands rhétoriciens. *Les Lettres romanes*, 1958, no 12, pp. 5–18. (In French)
- 18 Lemaire de Belges J. *Œuvres*, publ. par J. Stecher. Genève, 1969. T. I. 362 p. (In French)
- 19 Pasquier E. *Œuvres*. Amsterdam, 1723. Vol. I. 1364 p. (In French)

- 20 Pfister M. Parodie der französischen Gelehrtensprache bei Geoffroy Tory und François Rabelais. *Renatae litterae. Studien zum Nachleben der Antike und zur europäischen Renaissance (Festschrift August Buck)*. Francfort a/M, Athenaeum, 1973, pp. 193–205. (In German)
- 21 Rigolot F. Rabelais, rhétoriqueur? *Cahiers de l'Association internationale des études françaises*, 1978, vol. 30, no 1, pp. 87–103. (In French)
- 22 Tory G. *Champ Fleury, ou l'Art et science de la proportion des lettres*. Genève, Slatkine Reprints, 1973. XX, [8]-LXXX f., 63 p. (In French)
- 23 Vuarnet J.-N. Les surfaces du texte. *Les Lettres françaises*, 1970, no 1354, 7–13 oct., p. 12. (In French)